

❖ ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО ЧТЕНИЮ ❖

БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОСЛЕ БАЛА

РАССКАЗ И ПОВЕСТИ

.....
— СРЕДНЯЯ ШКОЛА —

Школьная программа по чтению

Лев Толстой

После бала. Рассказ и повести

«Феникс»

2025

УДК 821.161.1:398
ББК 82.3(2=411.2)-44

Толстой Л. Н.

После бала. Рассказ и повести / Л. Н. Толстой — «Феникс»,
2025 — (Школьная программа по чтению)

ISBN 978-5-222-49831-6

Лев Николаевич Толстой (1828–1910) — известный и любимый во всём мире русский писатель, мыслитель, просветитель. Он происходил из старшей графской ветви дворянского рода, родился в усадьбе Ясная Поляна в Тульской губернии. Был четвёртым ребёнком в семье Марии Николаевны, урождённой княжны Волконской, и графа Николая Ильича Толстого (они стали прообразами Марьи Болконской и Николая Ростова в романе «Война и мир»). Родители рано ушли из жизни, и мальчик воспитывался опекунами. Получив блестящее домашнее образование, поступил в Императорский Казанский университет, но бросил учёбу. Лев Николаевич искал себя: пробовал жить как помещик в своей родовой усадьбе, затем в Москве, Петербурге. Поступил в Петербургский университет, но учиться там не стал — отправился на Кавказ, где им была написана повесть «Детство». Творчество Л. Н. Толстого сопровождает нас на протяжении всей жизни: в раннем детстве, ещё не зная азбуки, мы с удовольствием слушаем сказку «Три медведя»; потом приходит очередь басен и былей, написанных Львом Николаевичем для тех, кто только учится читать; в юности мы знакомимся с «Войной и миром», «Анной Карениной»; приобретаем жизненный опыт ошибок и неудач, размышляем над страницами «Крейцеровой сонаты», «Смерти Ивана Ильича». Произведения Толстого неоднократно экранизировались у нас в стране и за рубежом, издавались огромными тиражами, и интерес к его творчеству не ослабевает. В эту книгу вошли три разноплановых произведения: повесть «Два гусара», в которой юный автор (Толстому не было ещё и тридцати) противопоставляет поколения молодых дворян начала и середины XIX века; «Холстомер», где уже зрелый Толстой констатирует грустную истину: нередко происхождение и внешность важнее, чем талант и личные качества; «После бала» — рассказ о том, как один-единственный эпизод может изменить всю жизнь человека. Этот рассказ автор написал

на склоне лет, он был опубликован посмертно. Все тексты произведений приводятся без сокращений.

УДК 821.161.1:398

ББК 82.3(2=411.2)-44

ISBN 978-5-222-49831-6

© Толстой Л. Н., 2025

© Феникс, 2025

Содержание

После бала	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лев Николаевич Толстой

После бала: рассказ и повести

Серия «Школьная программа по чтению»

© Оформление: ООО «Феникс», 2025

© Иллюстрация: Алифанова С., 2025

После бала

– Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно; что всё дело в среде¹, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

– Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

– От чего же? – спросили мы.

– Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

– Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

– Да, – сказал он. – Вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее утра.

– Да что же было?

– А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у неё уже дочери замужем. Это была Б... да, Варенька Б... – Иван Васильевич назвал фамилию. – Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз, и всего её милого молодого существа.

– Каково Иван Васильевич расписывает.

– Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил² с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег – ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

– Ну, нечего скромничать, – перебила его одна из собеседниц. – Мы ведь знаем ваш ещё дагеротипный³ портрет. Не то что не безобразен, а вы были красавец.

– Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день Масленицы на бале у губернского предводи-

¹ Среда – здесь: окружающее общество.

² Кутил – вести разгульную жизнь, пьянствовать.

³ Дагеротипный – фотографический. (Дагеротипия – первая технология фотографии, изобретённая в XIX в.)

теля⁴, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергёра⁵. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом⁶ платье, в брильянтовой фероньерке⁷ на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты – знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского.

Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки – разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов – я до сих пор не могу простить это ему – пригласил её, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один – все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она не смущаясь через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подвели к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: “*Encore*”⁸.

И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела.

– Ну, как же не чувствовали? Я думаю, очень чувствовали, когда обнимали её за талию, не только своё, но и её тело, – сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

– Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблён, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки⁹ и ещё что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены; для меня же, как говорил *Alphonse Karr*¹⁰, – хороший был писатель, – на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что не раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймёте...

– Не слушайте его. Дальше что? – сказал один из нас.

– Да. Так вот, танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

– Так после ужина кадрили моя? – сказал я ей, отводя её к её месту.

⁴ Губернский предводитель (дворянства) – выбираемый голосованием на 3 года глава дворянства губернии.

⁵ Камергёр – особо приближённый к императору придворный. В «Табели о рангах» этот чин приравнялся сначала к чину военного полковника, потом – к генеральскому званию.

⁶ Пюсовый (от франц. *puce* – блоха) – цвета раздавленной блохи: бурый, красно-коричневый.

⁷ Фероньерка – женское украшение: обруч или цепочка, надеваемые на голову как венок, с прикрепленным посередине драгоценным камнем.

⁸ *Encore* (франц.) – ещё.

⁹ Щиколки – щиколотки.

¹⁰ Альфонс Карр (1808–1890) – писатель, журналист, редактор газеты «Фигаро».

– Разумеется, если меня не увезут, – сказала она улыбаясь.

– Я не дам, – сказал я.

– Дайте же веер, – сказала она.

– Жалко отдавать, – сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

– Так вот вам, чтоб вы не жалели, – сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

– Смотрите, папá просят танцевать, – сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

– Варенька, подите сюда, – услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

– Уговорите, *ma chère*¹¹, отца пройти с вами¹². Ну, пожалуйста, Пётр Владиславич, – обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми *à la Nicolas I*¹³ подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из португеи, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку («надо всё по закону», – улыбаясь сказал он), взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками¹⁴, – хорошие опбйковые¹⁵ сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», – думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па¹⁶, которые он старался выделять. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него,

¹¹ *Ma chère* (франц.) – моя дорогая.

¹² Пройтись с вами – *здесь*: потанцевать, пройти в танце.

¹³ *à la Nicolas I* (франц.) – как у Николая I.

¹⁴ Штрипка – петля в виде узкой полоски ткани, прикреплённая к низу штанины; её закидывали за подошву, чтобы брюки оставались натянутыми.

¹⁵ Опбйковые, опбечные – из кожи молочного телёнка.

¹⁶ Па – танцевальное движение.

все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

– Ну, всё равно, пройдитеесь теперь вы с ней, – сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и моя любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на её, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного: чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.